

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Очерки средневековой археологии Кавказа

**К 85-летию со дня рождения
В.А. Кузнецова**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва
2013

УДК 904(479)(08)
ББК 63.444(235.7)я43
О-95

*Утверждено к печати Учёным советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института археологии Российской академии наук*

Издание профинансировано *Артуром Батразовичем Таболовым*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *В.И. Козенкова*

Редакционная коллегия:
З.Х. Албегова (Царикаева), Э.Д. Зиливинская, Д.С. Коробов

Рецензенты:
член корреспондент АН РАН *Р.М. Мунчаев*,
доктор исторических наук *В.Б. Ковалевская*

О-95 Очерки средневековой археологии Кавказа : к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова : сб. статей / Ин-т археологии Российской акад. наук ; [отв. ред. В. И. Козенкова]. — М. : ИА РАН, 2013. — 200 с. — ISBN 978-5-906045-07-2.
И. Козенкова, В. И., ред.

Настоящий сборник посвящен юбилею выдающегося ученого, историка и археолога, В.А. Кузнецова, посвятившего свою жизнь изучению древностей Кавказа. В сборнике опубликованы материалы, относящиеся к жизни и научной деятельности юбиляра, а также статьи, освещающие изучение средневековых археологических памятников. Книга предназначена, как для специалистов, историков и археологов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей Кавказа.

УДК 904(479)(08)
ББК 63.444(235.7)я43

ISBN 978-5-906045-07-2

@ Институт археологии РАН, 2013
@ Коллектив авторов, 2013
@ Оформление ООО Таус, 2013

Отощители в формовочной массе кухонной посуды салтово-маяцкой культуры как этномаркирующий признак

Автор пришел к выводу, что присадки в формовочной массе кухонных горшков у носителей салтово-маяцкой культуры не являются маркерами каких-то определённых этнических групп. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры не имеет выделенных технико-технологических признаков, позволяющих утверждать, что она маркирует именно болгаро-хазарские этнические группы. Для Центрального Кавказа керамический комплекс салтово-маяцкой культуры идентичен посуде местного населения, представленного аланской археологической культурой в хронологических рамках второй половины VIII–IX вв., носители которой были и алано-асские, и субстратные группы населения. Исторические построения, очерчивающие территорию обитания болгаро-хазарских племён в Волго-Донско-Кубанском междуречье, на Северном Кавказе и базирующиеся на технико-технологических свойствах кухонных горшков салтовского облика как этнических маркерах, фактически не имеют научных доказательств и нуждаются в пересмотре.

In the article the author prove the conclusion that the additives in the molding composition of Saltovo-Mayak culture cooking pots do not mark any certain ethnic groups. This cookware has no technical and technological features which could lead to the conclusion that they mark just the Bulgar-Khazar ethnic groups. Ceramic complex of Saltovo-Mayak culture is identical with Caucasian Alan archaeological culture dishes of the second half of the VIII and IX centuries. The bearers of Alan culture were Alans and substrate groups. Historic schemes, which delineate Bulgar-Khazar tribes' habitat territory in the Volga-Don-Kuban river basin, in the North Caucasus, and based on the technical and technological properties of the cooking pots as ethnic markers, have no scientific evidence and need revision.

Во второй половине XX в. в отечественной исторической науке получила распространение гипотеза, согласно которой керамический комплекс салтово-маяцкой культуры может являться маркером при определении в Восточной Европе территорий, занятых болгаро-хазарскими этническими группами. В методическом аспекте она базировалась на попытках выделения морфологической специфики кухонных горшков с гребенчато-волнистым орнаментом (Афанасьев, 2013) и на этнокультурной дифференциации таких сосудов по признаку добавок в формовочную массу: шамота, дресвы, песка (Плетнёва, 1967. С. 103–135). Автор этой версии С.А. Плетнева считала, что указанных признаков вполне достаточно, чтобы использовать их как этно- и даже как лингвомаркирующие при интерпретации керамического материала не только салтово-маяцкой археологической культуры, но и других, синхронных ей средневековых культур от Волги до Дуная. На этом основании строились схемы расселения болгаро-хазарских племён, которым приписывался этномаркирующий признак в гончарстве: присадка песка в качестве отошителя формовочной массы (Плетнёва, 2000. С. 18). С тех пор в практике интерпретации археологического материала Юго-Восточной Европы прочно закрепился априорный постулат, что кухонные горшки VIII–IX вв. с гребенчато-волнистым орнаментом, тесто которых содержит примесь песка, относятся к салтово-маяцкой культуре (рис. 1) и маркируют территорию проживания бул-

Рис. 1. Кухонный горшок салтово-маяцкой культуры

гаро-хазар (Тарабанов, 1983. С. 155; Хлебникова, 1984. С. 52–55, 98–103; Баранов, 1990, С. С. 89–92; Гадло, 1994. С. 125–132; Кузнецов, Рудницкий 1998. С. 163–168; Чеченов, 2006. С. 963, 964; Петрухин, Аржанцева, Зиливинская, Флёров, 2009. С. 101). Собранные в процессе археологических разведок фрагменты таких кухонных горшков являлись достаточным основанием для отнесения памятника к салтово-маяцкой культуре, а по своей этнической принадлежности – к булгаро-хазарам. Сама же салтово-маяцкая культура возводилась в ранг «государственной культуры» Хазарского каганата (Плетнёва, 2000. С. 7–23), потому что такие сосуды якобы фиксировали своего рода его «государственные границы». Историки, доверившиеся подобным построениям археологов, моделировали территорию Хазарского каганата с гипертрофированными размерами: от Арала до Балкан и от Закавказья до Камы (Вгоок, 1999. Р. 41, 42; Ромашов, 2002–2003. С.117, 118; Piatigorsky, Sapir, 2005. Р. 161–185; Живков, 2010. С. 206–321). Осталась забытой полувековая дискуссия об этнических корнях кухонных горшков салтово-маяцкой культуры (Бабенко, 1907. С. 386–402, 440; Покровский, 1905. С. 465–492; Городцов, 1905. С. 212; Миллер, 1926. С. 96–98; Арциховский, 1930. С. 92, 93; Артамонов, 1935. С. 64; Ляпушкин, 1941. С. 220; Семенов-Зусер, 1949. С. 137–143; Мерперт, 1951. С. 28; Шрамко, 1959. С. 266, 267; Георгиева-Казанджиева, 1961. С. 96–102). Остались забытыми аргументы В.П. Бабенчикова, М.А. Фронджуло и А.Л. Якобсона для выделения северо-причерноморской археологической культуры (Гадло, 2004. С. 54) и другие научные наработки предшественников.

Впервые изучение технико-технологического аспекта салтово-маяцкой керамики на специализированном уровне было предпринято в 90-х годах И.Н. Васильевой, которая сделала около 450 анализов фрагментов посуды из Саркела и Маяцкого селища.

К сожалению, она опубликовала обобщённые результаты исследования выборки керамики, которые скрывают индивидуальные особенности технологических цепочек у гончаров того или иного поселения (Васильева, 1993. С. 37–44. Таб. 15–20). По этой причине трудно понять: есть ли различия или общность между керамикой Маяцкого селища и Саркела – памятников, находящихся на противоположных концах «салтовского мира» и имеющих различную антропологическую и этническую компоненту. Обобщённая выборка размывает специфические особенности локальных гончарных традиций у обитателей отдельных поселений, искусственно объединяемых в рамках субъективного, сугубо рабочего инструмента – понятия «салтово-маяцкая археологическая культура».

Заметный вклад в изучение технико-технологического аспекта керамики лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры внесло диссертационное исследование В.А. Сарапулкина. Автор пришёл к выводу о наличии связи между географическим положением в лесостепи того или иного памятника и составом отошителей в формовочной массе, из которой изготавливались горшки местным населением. По его мнению, для долины Тихой Сосны характерной примесью является песок, для Поосколья – металлургический шлак, для Корочи – дресва, а для Северского Донца – шамот (Сарапулкин, 2003. С. 159). Исследователь предположил, что использование раннесредневековыми обитателями Маяцкого поселения песка в качестве отошителя, возможно, связано с продвижением в долину Тихой Сосны степных болгарских племён. Фактически он присоединился к гипотезе о том, что присадка песка в глиняное тесто является признаком, маркирующим этническую традицию именно болгарского гончарства. Этот тезис нуждается в специальном рассмотрении, так как никаких следов гончарного производства или других артефактов, которые можно было бы аргументировано связать с болгарским населением, в долине Тихой Сосны пока не известно¹.

В 1994–1995 гг. в рамках разрабатываемого мною исследовательского проекта «Хазаро-русское пограничье. Аэрокосмическое зондирование Маяцкого археологического комплекса» А.А. Бобринским было проведено технико-технологическое изучение образцов кухонной керамики. Параллельно, с целью получения дополнительной информации об этих же керамических образцах, М.Р. Зотько осуществил их компьютерный фотоанализ. Для лабораторного изучения были отобраны обломки различных сосудов, характеризующих две различные (с традиционно бытующей в «салтовской» археологии точки зрения) группы керамики: 1 – «кухонные, лепные сосуды, без следов применения гончарного круга»; 2 – «кухонные сосуды, сделанные на гончарном круге». Изучение образцов проводилось по следующим темам анализа керамики:

1. Общие особенности пластического сырья (число использованных глин по сортности; особенности окрашенности глин после их вторичного нагревания в окислительной среде; примерный качественный состав и соотношение грубых естественных примесей, представленных в глинах частицами не менее 0,1–0,2 мм).

2. Общие особенности обработки пластического сырья (по признакам высушивания и дробления глин перед составлением формовочных масс, а также по признакам их использования во влажном состоянии).

3. Общие особенности обработки непластических материалов, вводившихся при составлении формовочных масс (по признакам дробления, просеивания, очистки этих материалов).

¹ Предпринятая В.С. Флёровым попытка связать с булгарами группу ямных погребений (большой частью детских и подростковых), раскопанных С.А. Плетнёвой на территории аланского Маяцкого катакомбного могильника в 1975, 1977–1982 гг., к сожалению, полностью лишена научной аргументации (Флёров, 1989. С. 46–59). По существу, она является декларацией устаревших, но всё ещё бытующих, дискуссионных (в свете современных работ антропологов и нового анализа данных нарративных источников) взглядов на ямные погребения с инвентарём салтово-маяцкой культуры, как на этномаркирующий признак только болгар.

4. Качественный состав и соотношение неглинистых компонентов минерального или органического происхождения, специально вводимых в глину при подготовке формовочных масс.

5. Общие особенности программы конструирования начинов (то есть использовавшиеся правила ведения конструирования на первой ступени в рамках второй стадии производственного процесса).

6. Качественные и параметрические особенности использованных материалов при конструировании начинов (по признакам использования жгутов, лент или комков глины).

7. Конкретные приёмы конструирования начинов (по особенностям траектории наращивания «строительных» материалов и признакам дополнительного воздействия на глину посредством выдавливания, выбивания, заглаживания и так далее).

По мнению А.А. Бобринского, для изучения других тем технико-технологического анализа (особенностей конструирования полого тела, формообразования, обработки поверхности изделий, их термической обработки, орудий труда и других тем) представленный для анализа материал или не содержал необходимой информации (например, о навыках термической обработки – в силу ушербности следов проявления такой обработки или её полного разрушения в результате воздействия вторичных факторов, связанных с обстоятельствами разрушения сосудов) или требует проведения специальных измерений, что не всегда возможно по объективным причинам (например, измерения, связанные с определением концентрации органических материалов в составе формовочных масс). Изучение образцов маяцкой керамики по указанным темам осуществлялось по ранее разработанной методике (Бобринский, 1978). Для чистоты эксперимента и создания одинаковых условий для изучения пластического сырья и формовочных масс от каждого образца был взят небольшой фрагмент, который в процессе анализа подвергался вторичному нагреванию в муфельной печи до температуры 850° С.

Суть проведённого М.Р. Зотько фотоанализа состояла в том, что оцифрованные изломы профильных частей керамических образцов подвергались компьютерной обработке с помощью пакетов программ «Magisoft» и «Greyview». Для выявления особенностей формовочной массы, состоящей из малоконтрастных прослоек разной глины, или выявления линий спаев между элементами, из которых лепился сосуд, требовалась специальная обработка изображения, поскольку границы эти не всегда достаточно чётко видны даже под микроскопом. В этом случае задача фотоанализа состояла в выявлении яркостных перепадов и границ между областями изображения излома сосуда, имеющими почти одинаковые яркости и текстуры. Контрастность исходных изображений изломов сосудов усиливалась по гистограмме, а затем трансформированные изображения подвергались фильтрации с целью подавления шумов примесей, а также с целью подчёркивания яркостных границ различных компонентов, из которых конструировался сосуд. В процессе лабораторных работ использовались LUT-таблицы, позволяющие окрасить полученное после обработки изображение.

Сделанные А.А. Бобринским экспертные оценки маяцкой посуды уже рассматривались О.В. Лопан в специальной статье, посвящённой анализу керамического материала из раскопок Д.С. Коробова на Маяцком селище в 1994–1995 гг. (Лопан, 2001. С. 105–121). Она пришла к выводу, что у обитателей этого памятника фиксируются две основные традиции использования отощителей формовочной массы – с шамотом и с песком. Факт существования на Маяцком селище одновременно двух технико-технологических традиций в гончарстве О.В. Лопан объясняет тем, что в процесс переселения на эту территорию были вовлечены разные группы населения с разными гончарными традициями. Автор осторожно избегает прямолинейной связи той или

иной традиции с каким-нибудь этносом. Вместе с тем трудно не заметить, что у исследователя не сложилось чёткого представления о хронологическом аспекте предложенной группировки материала. Так, в одном месте своей статьи она пишет о том, что использование шамота относится к более раннему этапу функционирования памятника, а песок в качестве примеси стал практиковаться позже и является в какой-то степени хронологическим маркером времени после 2-й половины IX в. (Лопан, 2001. С. 121). В другом же месте она отмечает, что традиция добавления песка в формовочную массу фиксируется на Маяцком селище уже в середине VIII в. (Лопан, 2001. С. 120).

Неоднозначность и дискуссионность этнокультурной и хронологической интерпретации маяцкой кухонной посуды вызвала необходимость вновь вернуться к этому вопросу. Материалы экспертизы А.А. Бобринского были изучены мною методами многомерного статистического анализа.

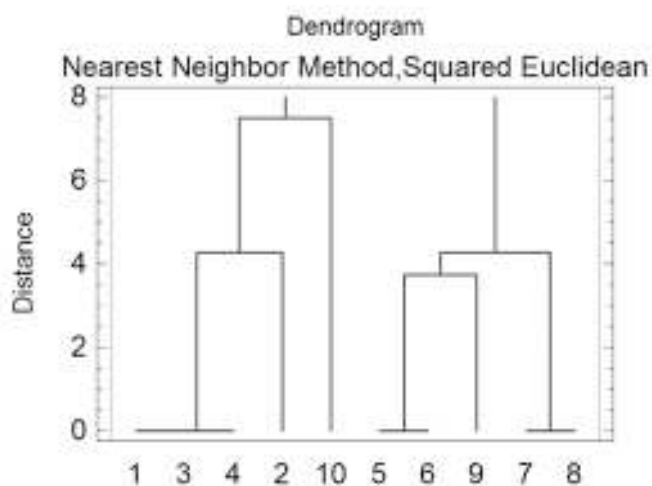

Рис. 2. Дендрограмма результатов кластерного анализа коллекции фрагментов кухонных горшков Маяцкого селища

Кластерный анализ показал, что все исследованные образцы действительно могут быть объединены в две группы (рис. 2), за которыми скрываются традиции в гончарстве местного населения. Специфическими признаками первой группы являются использование двух разных глин, шамота в качестве отощителя формовочной массы и донная программа изготовления сосудов без применения гончарного круга. При изготовлении шамота были использованы ошлакованные фрагменты сосудов, которые также содержали шамот из фрагментов ошлакованных сосудов. Это позволяет говорить о том, что каждый проанализированный образец фиксирует три поколения кухонных сосудов, сделанных из отходов местного керамического производства. Вторую группу характеризуют такие признаки, как использование только одной глины, песка в качестве отощителя формовочной массы и ёмкостно-донная программа изготовления сосудов, применение гончарного круга. В качестве общих для обеих групп признаков выступают органические добавки в формовочную массу и использование жгутов, уложенных по спиралевидной траектории, в процессе изготовления сосудов.

Сопоставление выделенных групп кухонной керамики с радиоуглеродными датами (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 106–123) образцов из постройки 51 (середина VIII в.; конец VII – начало VIII в.) и постройки 52 (конец VIII – начало IX в.) показало отсутствие хронологических различий между этими группами посуды. Керамические комплексы из построек 51 и 52 содержат фрагменты горшков, относящиеся и к первой, и ко второй технико-технологическим группам. Складывается впечатление, что обе керамические традиции на территории Маяцкого селища существовали всё же со времени начала функционирования памятника. Это наблюдение перекликается с выводами антропологов о том, что население Маяцкого селища представлено двумя подтипами аланского (верхнесалтовского) морфологического типа (Кондукторова, 1991. С. 144–170). К аналогичным выводам приводит и исследование погребальной обрядности обитателей Маяцкого селища в контексте обряда захоронения населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Выясняется, что у обитателей Маяцкого

селища фиксируются элементы двух погребальных традиций (верхнесалтовско-ютановской и дмитровско-нижнелубянской), практиковавшихся у аланского населения (Афанасьев, 1993. С. 80–93). Это ещё раз говорит о неоднородности алан Маяцкого селища в рамках общей аланской этнической компоненты лесостепной зоны Донско-Донского междуречья (Кондукторова, 1980). Следовательно, факт существования разных гончарных традиций у обитателей Маяцкого селища можно рассматривать и как результат смешения различных групп самого аланского населения.

С целью проверки сделанных выше выводов о возможном существовании у населения Маяцкого селища двух гончарных технико-технологических традиций на стадии строительства Маяцкой крепости или на раннем этапе её функционирования Ю.Б. Цетлиным, по моей просьбе, были любезно исследованы фрагменты кухонных горшков, найденных в 1977 г. на дне крепостного рва (рис. 3). Их местонахождение свидетельствует о том, что они относятся к раннему этапу деятельности по возведению фортификационных сооружений или к самому раннему этапу их функционирования (радиоуглеродный анализ фрагмента кости животного из того же слоя дал дату 809–891 гг.).

Образец 1. МГ-77. Квадрат П-16. Данный образец (рис. 4) представляет собой фрагмент стенки сосуда. Для его изготовления применялась природная глина во влажном состоянии средней ожелезнённости и средней пластичности. В глине содержится естественная примесь мелкого и среднего песка (размеры частиц менее 2 мм). Формовочная масса состоит из глины, в которую добавлены: 1) мелкий песок в концентрации 1:3, 2) крупный шамот в концентрации 1:5 от сосуда, изготовленного из влажной высокоожелезнённой глины средней пластичности с искусственной примесью мелкого песка в концентрации 1:3, 3) крупный шамот в концентрации 1:6 от сосуда, изготовленного из влажной слабоожелезнённой глины высокой пластичности с добавкой органического раствора, 4) добавка органического раствора.

Образец 2. МГ-77. Квадрат П-16. Фрагмент представляет собой обломок плоского днища сосуда с началом стенок. Сосуд был изготовлен из влажной глины средней ожелезнённости и средней пластичности. В глине в качестве естественной примеси присутствует мелкий, реже средний песок в концентрации 1:5, а также редкие включения мелкого буро-

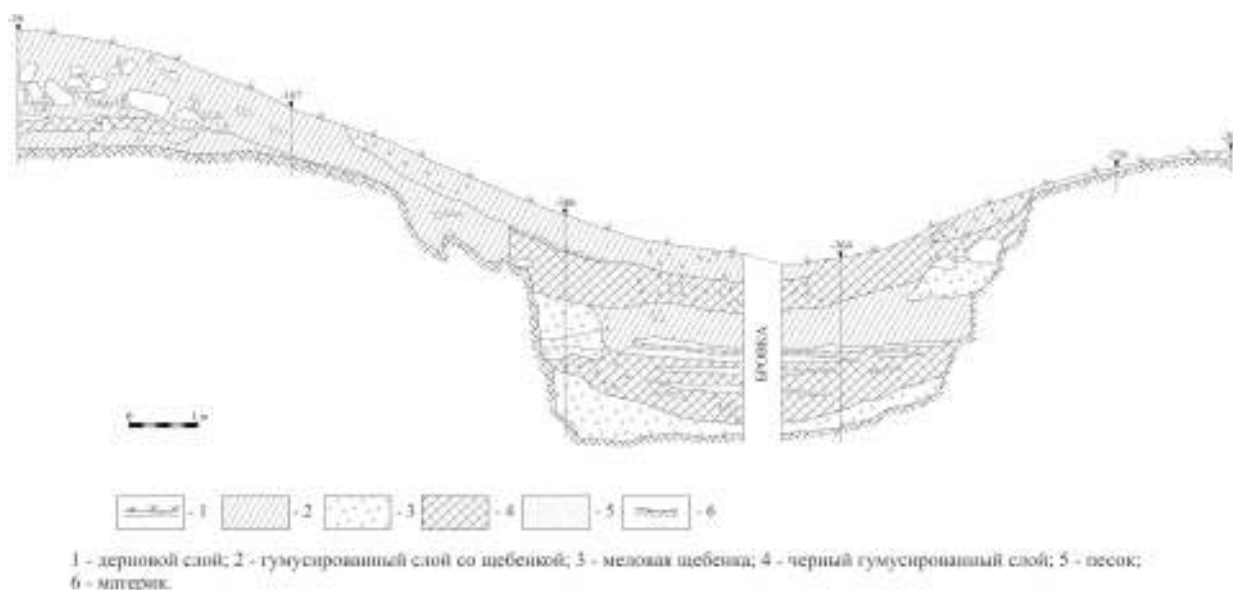

Рис. 3-а. Разрез рва Маяцкого городища (раскопки автора в 1977 г.): 1 – дерновый слой, 2 – гумусированный слой с щебенкой, 3 – меловая щебенка, чёрный гумусированный слой, 5 – песок, 6 – материк

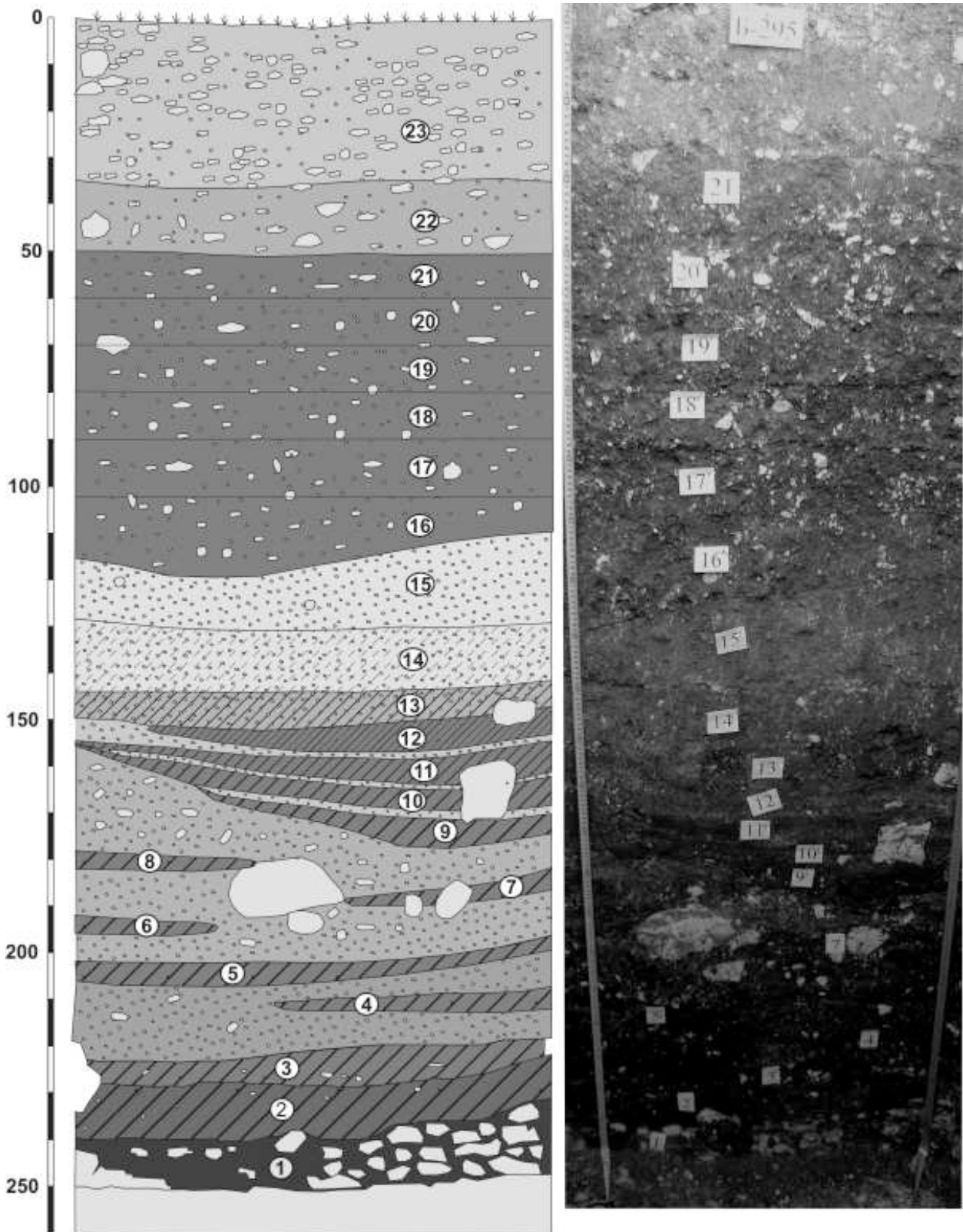

Рис. 3-6. Стратиграфия рва Маяцкого городища (по А.В. Борисову)

Рис. 4. Фрагмент кухонного горшка из нижнего слоя заполнения рва Маяцкой крепости

го железняка. При изготовлении формовочной массы в глину был добавлен органический раствор. Сосуд изготовлен на гончарном круге, предположительно не выше РФК-3. На круге или на рабочей площадке было вырезано клеймо/знак в виде прямоугольного креста, ограниченного с двух сторон дугами. Начин, скорее всего, донно-ёмкостный монолитный, изготовлен на подсыпке из мелкого и среднего песка. Можно полагать, что он был выбит на круге с внутренней стороны, а затем эта поверхность была заглажена деревянным гребенчатым инструментом. Обжиг сосуда длительный в восстановительной среде при температуре 500–550°C (то есть ниже температуры каления глины). После разрушения сосуд на некоторое время попал во вторичный огонь, что привело к частичному осветлению небольшого участка донной части.

Приведённые примеры показывают, что исследованные Ю.Б. Цетлиным фрагменты кухонной посуды также свидетельствуют о существовании разных керамических традиций. Выявленные на Маяцком селище технико-технологические особенности гончарного производства характерны и для других памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Так, при раскопках вала городища Карабут (Афанасьев, 1987. С. 102, 103) под его насыпью был обнаружен котлован салтовской полуземлянки, в заполнении которого найдены фрагменты кухонных горшков с тестом, содержащим искусственную примесь песка (рис. 5), и горшки, в формовочную массу которых введён шамот (рис. 6). Возникает вопрос: как сопряжены отощители формовочной массы кухонных горшков с погребальным обрядом и с антропологическими характеристиками населения, применявшего ту или иную технологическую модель, за пределами лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, в смежных регионах?

На памятниках территориально близких к лесостепной зоне Донецкого-Донского междуречья материал показывает разнообразие отощителей формовочной массы найденных там сосудов. В степном Подонцовье тесто кухонных горшков содержит крупный и мелкий песок, шамот, дресву и органические добавки (Krasil'nikov, 1990. S. 196; (Красильников, 1999. Таб. II). Долгое время считалось, что в антропологическом отношении местное население хазарского времени, практиковавшее ямный обряд погребения, имело те же краниологические характеристики, что и серия так называемого «зливкинского» морфологического типа, которую приписывали булгарам. Последующий анализ раннесредневековых краниологических серий Юго-Восточной Европы раскрыл значительно более сложную картину, чем она представлялась ранее (Ефимова, Кондукторова, 1995. Рис. 1). Изучение антропологического облика населения степной зоны Донецко-Донского междуречья новыми методами многомерного статистического анализа данных показывает, что краниологические серии этих памятников в значительной степени неоднородны. Они занимают широкое промежуточное про-

Рис. 5. Фрагмент кухонного горшка, формовочная масса которого содержит песок (городище Карабут)

Рис. 6. Фрагмент кухонного горшка, формовочная масса которого содержит шамот (городище Карабут)

странство между полигонами с комплексом признаков, характерных для лесостепного аланского населения с катакомбным обрядом погребения и комплексом признаков, присущих хазарскому населению Нижнего Дона с подкурганым обрядом погребения (Решетова, 2012; Афанасьев, Добровольская, Борисов, 2012. С. 77–83).

Показательна и территория Нижнего Дона, где во времена Хазарского каганата практиковались разные гончарные традиции, в частности, формовочная масса сосудов включала разные отощители. На одних поселениях в качестве добавок к глине применялась крупная песчаная дресва, речной песок и шамот (Нечипорук, 2009. С. 220–226),

на других – мергелевая или известняковая дресва и речной песок с органическими добавками (Бакушев, Ларенок, 2009. С. 211–219), на третьих – шамот, речной песок и дроблёная ракушка (Токаренко, 2009. С.259). При исследовании Правобережного Цимлянского городища С.А. Плетнёвой была собрана коллекция фрагментов посуды, в которой значительная часть принадлежит лепным и круговым кухонным горшкам. Тесто лепных сосудов содержит в качестве отошителя дресву и мелкорубленую траву (применение навоза как примеси, по мнению исследователя, вряд ли было возможно по причине «человеческой брезгливости») (Плетнёва, 1995. С. 327). Антропологический материал Правобережного городища неоднократно привлекал внимание специалистов. С.Г. Ефимова и Т.С. Кондукторова выделяют особую морфологическую группу, включающую серии с выраженной монголоидной примесью: Правобережное городище, Зливки, кочевники Саркела (Ефимова, Кондукторова, 1995. С. 565). Тесто кухонной посуды городища Золотые Горки также содержит примесь кварцевого песка (Ключников, 2009. С. 241–256). Антропологическая характеристика обитавшего там населения (практиковавшего ямный обряд погребения) сделана Е.Ф. Батиевой, которая пришла к выводу, что оно отличалось монголоидным обликом (Батиева, 2002. С. 87). На территории Крымского комплекса была обнаружена гончарная обжигательная печь (Савченко, 1986. С. 70). Раскопки городища дали материал, в котором значительное место занимают фрагменты горшков, формовочная масса которых содержала песок, дресву, шамот и органику (Иванов, 2010. С. 249–272). Ямный могильник исследовался Е.И. Савченко, а полученные антропологические материалы проанализированы Е.Ф. Батиевой в контексте изучения населения Нижнего Подонья в хазарское время. Установлено, что краниологическая серия из ямных могильников Нижнего Дона различается с серией черепов из хазарских подкурганых погребений этого же региона на уровне рас первого порядка. В мужской выборке из ямных могильников по краниометрическим признакам европеоидный компонент обнаруживает сходство с сарматами Поволжья и Подонья, то есть с местным аборигенным населением. В женской выборке из ямных могильников преобладают черепа монголоидного типа. Они, как и мужские, и женские монголоидные черепа из подкурганых погребений, проявляют наибольшее сходство с гуннами Забайкалья и тюрками Сибири, Алтая и Казахстана (Батиева, 2002. С. 71–101). Как видим, в ареале так называемого степного варианта салтово-маяцкой культуры, который обычно связывается с булгаро-хазарским или псевдобулгаро-хазарским населением, при изготовлении кухонной посуды применялись самые различные примеси в формовочную массу. Но в настоящее время у нас нет никаких оснований говорить о том, что примесь в глину песка в качестве отошителя – это специфическая особенность этнической культуры именно болгарского населения степной зоны бассейна Дона.

Обратимся к памятникам Поволжья, раннесредневековое население которого также отождествляется с булгарами (Богачёв, 2000. С. 4–430). Изучение репрезентативной серии горшков населения Самарской Луки показывает, что все они сделаны без применения гончарного круга, а их формовочная масса включает растительные примеси и крупный шамот. По этой причине поверхность сосудов имеет бугристый характер. Цвет обожжённых горшков варьирует от серого до коричневого, но в изломе – чёрный (Зубов, 2006. С. 92). Формовочная масса сосудов Новинковского I и II могильников состоит из ожелезнённой слабозапесоченной глины с добавками крупного или мелкого шамота и навоза животных. Синхронные подкурганым погребениям поселенческие комплексы иллюстрируют лепные горшки, которые были также сформованы из незапесоченной или слабозапесоченной глины с примесью шамота в соотношении 1:3-1:4 и с примесью навоза жвачных животных (Богачёв, Матвеева, 2000. С. 168; Матвеева,

2003. С. 107–117). Формально по этим признакам рецепт формовочной массы сосудов поволжских праболгар сходен с рецептом формовочной массы именьковских сосудов предшествующего времени (Васильева, Салугина, 2010. С. 147, 148). Таким образом, применение песка в качестве отошителя глины не характерно для раннесредневекового населения Самарской Луки, которое идентифицируется с поволжскими праболгарами. Неоднороден состав населения этого региона и в антропологическом отношении. Краниологические различия прослеживаются на уровне рас первого порядка, что привело исследователей к выводу о различных генетических истоках раннесредневекового населения (Рудь, 1987; Газимзянов, 1995. С. 99; Богачев, Ермаков, Хохлов, 1996. С. 89).

Большое разнообразие отошителей зафиксировано в формовочной массе типологически близких горшков из Крыма (Пономарёв, 2003. С. 217–224; Пономарёв, 2012. С. 75), где некоторые исследователи также допускают проживание хазаро-булгарского населения. На Керченском полуострове при исследовании раннесредневекового слоя поселения Героевка-6 собрана коллекция сделанных на гончарном круге кухонных горшков, в формовочной массе которых использована толчёная морская ракушка, карбонатные породы, морской и детритусовый песок, шамот, сухая глина и железистые конкреции (Зинько, Пономарёв, 2008. С. 425, 426). Для обжига применялись одноярусные и двухъярусные печи разных конструкций, позволяющие создавать или окислительно-восстановительную среду, или восстановительную, или окислительную (Пономарёв, 2012. С. 75). Этнический состав населения Юго-Восточного Крыма в VIII–IX вв. и этномаркирующие признаки в археологическом материале остаются дискуссионными. На основании изучения керамических коллекций были высказаны различные версии о доминировании там алан, хазар, славян, чёрных булгар, булгаро-хазар, алано-славяно-хазаро-греков и т.д. (Гадло, 2004. С. 21–175; Радомский, 2004. С. 3–223), но доказать этномаркирующий характер отошителей формовочной массы кухонных горшков пока не удаётся. По мнению С.Г. Ефимовой и Т.С. Кондукторовой, средневековое население Крыма представлено разнообразными антропологическими типами, среди которых оказываются и более длинноголовый, узколиций, и брахикранный мезоморфный, генезис которого связан с причерноморским сарматским населением (Ефимова, Кондукторова, 1995. С. 569). Убедительных антропологических доказательств пребывания в Крыму булгаро-хазарского населения пока нет. Можно согласиться с мнением С.Б. Сорочана и Ю.Н. Могаричева о том, что идея о хазарском вкладе в культуру средневекового населения Крыма сильно преувеличена (Сорочан, 2007. С. 40–70; Могаричев, 2010. С. 66–78).

В Западном Предкавказье, по данным Ф.К. Джигуновой, почти 70% горшков сделано на гончарном круге, остальные 30% – лепные. В качестве отошителей глины применялся шамот и дресва (Джигунова, 2000. С. 69). По информации П.С. Успенского, в сосудах, сопровождавших закубанские трупосожжения VIII–IX вв., зафиксированы следующие сочетания отошителей: шамот, песок, дресва, шамот + песок, песок + слюда, шамот + дресва, песок + слюда + дресва, шамот + песок + дресва. На селище Береговое-4 вблизи ст. Старокорсунской в процессе исследования двух комплексов, содержащих стаканообразные курильницы, обнаружены фрагменты лепных горшков, формовочная масса которых содержит шамот и кусочки глиняного сланца (Каминский, Кондрашов, 1988. С. 60, 61).

В захоронениях могильников в Горькой Балке найдены полтора десятка кухонных горшков, большей частью сделанных на гончарном круге. При изготовлении формовочной массы для этих сосудов использовался песок, дресва и дроблёная ракушка (Соков, 2003. С. 71–73). Существование местного гончарного производства подтвер-

ждают две гончарные печи, раскопанные в обрыве берега Кубани и опубликованные Л.Э. Голубевым и Е.В. Попиком. Они идентичны горнам хазарского времени, открытым на Нижнем Дону, на Сев. Донце и в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья. Изучение отходов производства показало, что основная продукция состояла из горшков с гребенчато-волнистым орнаментом и котлов с внутренними ручками-ушками (Голубев, Попик, 2005. С. 139–143). Авторы считают, что этот гончарный центр обслуживал и обитателей поселений в Горькой Балке. Диссертационное исследование памятника позволило П.В. Сокову высказать предположение о том, что раннесредневековое население Горькой Балки, кроме тюркского компонента, включало и аланский компонент (Соков, 2004. С. 3–194). Несколько иную картину рисует антропологический материал. М.А. Балабанова установила, что местное население было смешанным и сформировалось на основе трёх морфологических компонентов. Первый компонент — это аланский (41,2%), второй — горский (41%), третий — тюркский, хазарский. Все монголоидные черепа, связываемые с хазарским этносом, принадлежат женщинам (Балабанова, 2004. С. 200–215).

Этническая интерпретация особенностей кухонной керамики Центрального Предкавказья также не однозначна. В основе взглядов А.В. Гадло лежит допущение С.А. Плетнёвой о том, что салтово-маяцкая культура с середины VIII в. стала палеоэтнографическим признаком, объединившим степные общности в рамках политического образования Хазарского каганата. Он считал, что в Центральном Предкавказье эта культура представлена зливкинским вариантом, который автор называл даже «зливкинской археологической культурой». У исследователя сложилось впечатление, что керамика Центрального Предкавказья не имеет генетической связи с керамикой поселений V–VII вв. предгорий Северного Кавказа, а тождественна посуде VIII–IX вв. Прикубанья, Приазовья и степной Таврики. Ареал формирования этой традиции А.В. Гадло видел в прикубанских памятниках V–VII вв. на базе адыго-абхазских гончарных традиций. При этом он отмечал, что зливкинский керамический комплекс в VIII–IX вв. распространялся в предгорных районах Центрального Предкавказья, как следствие продвижения туда хазар, вытеснивших из этих мест алан (Гадло, 1994. С. 125–132). Описывая кухонные горшки, найденные на раннесредневековых поселениях Ставропольской возвышенности, А.В. Гадло отмечал, что их тесто имеет примесь ракушки или известняковой крошки, рубленной травы и слюды (Гадло, 2004. С. 230). Иногда там встречались экземпляры с повышенным содержанием в тесте песка. Формовочная масса крупных сосудов включала дресву или шамот (Гадло, 2004. С. 229–240). Информация об отощителях в формовочной массе горшков Второго Татарского городища представлена В.Н. Галаевой. Это — песок, известняковая крошка, дроблёная ракушка и изредка шамот (Галаева, 2008. С. 805, 806).

Высказана и альтернативная взглядом А.В. Гадло точка зрения. Горшки из раннесредневекового слоя Татарского городища на Ставропольской возвышенности Я.Б. Березин, В.Н. Каминский и В.Ю. Малашев сближают с аналогичными сосудами аланской культуры Северного Кавказа, полагая, что версия А.В. Гадло о болгаро-хазарской принадлежности раннесредневековых памятников этого региона недостаточно обоснована. По мнению В.Ю. Малашева, эти сосуды находят технологическое сходство с керамическим комплексом поселения близ тепличного хозяйства на правом берегу р. Подкумок и с некоторыми сосудами из катакомбного могильника Ясли конца VII — начала VIII в. (Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 58, 59). В осторожной форме авторы выдвигают рабочую гипотезу о переселении на Ставропольскую возвышенность какой-то части аланского населения из Кисловодской котловины. Такой миграционный поток мог быть обусловлен формированием в хазарское время круп-

нейшей в Центральном Предкавказье поселенческой агломерации, представленной Татарским городищем (Березин, Каминский, Малашев, 2012. С. 90).

Кухонные горшки VI–VIII вв. горной зоны Северо-Восточного Кавказа, занятой нахскими племенами, представлены и лепными, и сделанными на гончарном круге экземплярами. В качестве отощителя применялся песок (Багаев, 2008. С. 127). Представление об отощителях, использованных при изготовлении посуды населением VIII–IX вв. равнинных территорий Северо-Восточного Кавказа, даёт коллекция фрагментов сосудов, собранных на Гудермесском поселении, расположенном на правом берегу р. Сунжа, в районе её слияния с Терекком. Здесь зафиксированы две технологические традиции: использование шамота и использование кварцевого песка (Соков, Скопецкая, 2005. С. 148–151). Для памятников Терско-Сулакского междуречья хазарского времени характерными примесями в формовочную массу кухонных горшков являются толчёная ракушка, песок и шамот (Магомедов, 1981. С. 70).

Интересен вопрос: есть ли сходство в формовочной массе кухонных горшков у населения лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья и населения Центрального Кавказа, имея в виду, что именно отсюда шёл в первой половине VIII в. основной аланский миграционный поток в Донецко-Донское междуречье? К сожалению, ответить на него в настоящее время не представляется возможным, поскольку северокавказский керамический материал в этом аспекте практически не изучался. Эпизодически появляющаяся в печати информация об отощителях в формовочной массе отдельных коллекций не может восполнить явный пробел в системном изучении технико-технологического аспекта раннесредневековых керамических комплексов региона. Но и имеющаяся в настоящее время информация иллюстрирует широкое разнообразие материалов, которые применялись центрально-кавказскими гончарами в качестве присадок в глину при подготовке формовочной массы. Использование кварцевого песка при изготовлении кухонных горшков у носителей катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе документируется уже на рубеже н.э. Подобный рецепт отмечен М.П. Абрамовой для керамической коллекции Подкумского могильника (Абрамова, 1987. С. 130). К этому же времени относятся и следы применения гончарного круга РФК 1 – РФК 3 и даже, возможно, РФК 4 (Керефов, 1988. С. 40–47). Керамические коллекции, собранные Н.Н. Михайловым в 1957–1971 гг. на территориально сопряжённых с аланскими катакомбными могильниками поселениях V – первой половины VIII в. Кисловодской котловины, иллюстрируют присутствие кварцевого песка в формовочной массе местных сосудов.

На поселении VIII–IX вв. Козьи Скалы у г. Бештау тесто кухонных горшков содержит в качестве присадок и песок, и дресву и дроблёную ракушку (Кузнецов, Рудницкий, 1998. С. 300). Кухонные горшки VIII–IX вв. из региона Верхней Кубани сделаны, как правило, на гончарном круге (лепные экземпляры составляют незначительный процент и, по наблюдениям Х.Х. Биджиева, относятся к X в.). Характерной присадкой в их формовочную массу был крупнозернистый кварцевый песок с блёстками слюды (Биджиев, 1983. С. 65; Биджиев, 1993. С. 193–198). В долине р. Баксан на Жанхотекском поселении VIII–XII вв. И.М. Чеченовым собрана коллекция фрагментов сосудов, среди которых значительная часть принадлежит кухонным горшкам, как лепным, так и сделанным на гончарном круге. В формовочной массе этих сосудов прослеживался мелкозернистый песок и чешуйки слюды (Чеченов, 1987. С. 67–77). В высокогорной зоне Центрального Кавказа тесто раннесредневековой посуды включало дресву и известняк или дроблёную ракушку (Албегова, Меньшиков, 2012. С. 254).

Единственный известный мне результат специального технико-технологического анализа раннесредневекового центрально-кавказского сосуда сделан А.А. Бобрин-

ским. Для изучения ему была предоставлена донная часть горшка диаметром 12 см, разбитая на четыре части. Фрагмент был найден в 1978 г. в грунтовом могильнике VI в. Джамагат в Карачаево-Черкесии, оставленном, по мнению автора раскопок Х.Х. Биджиева, булгарами, которые проникли в этот высокогорный район ещё в первых веках (Биджиев, 1983. С. 54). Установлено, что сосуд был изготовлен по ленточной технологии с помощью гончарного круга из формовочной глины сложного состава (крупный шамот + навоз животного). Помимо искусственных примесей, введенных в глину при составлении формовочной массы, в ней присутствуют многочисленные песчинки и комочки песчаника, являющиеся, по-видимому, естественными примесями глиняной залежи. Как видим, и в этом случае результаты технико-технологического анализа образца посуды не подтверждают версию о сопряженности песка (как этномаркирующего отощителя) с гончарной традицией болгар. Технологические характеристики аланской кухонной керамики Маяцкого селища хоть и находят параллели в данном образце, но этого, конечно, слишком мало, чтобы делать какие-то исторические обобщения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что отощители в формовочной массе кухонных горшков у носителей салтово-маяцкой культуры не являются маркерами каких-то определённых этнических групп в Волго-Дона-Кубанском междуречье, в Крыму или на Северном Кавказе. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры не имеет выделенных технико-технологических признаков, позволяющих утверждать, что она маркирует именно болгаро-хазарские этнические группы. Для Центрального Кавказа керамический комплекс салтово-маяцкой культуры идентичен посуде местного населения, представленного аланской археологической культурой в хронологических рамках второй половины VIII–IX вв., носители которой были и алано-асские, и субстратные группы населения. Исторические построения, очерчивающие территорию обитания болгаро-хазарских племён в Волго-Дона-Кубанском междуречье, на Северном Кавказе и базирующиеся на, якобы, этно- или лингвомаркирующих технико-технологических свойствах кухонных горшков салтовского облика, фактически не имеют научных доказательств и нуждаются в пересмотре. Есть основания согласиться с точкой зрения А.А. Миллера о том, что на Северном Кавказе кухонные горшки с гребенчато-волнистым орнаментом и песком в тесте встречаются раньше, чем на поселениях салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. Предположение И.И. Ляпушкина, Н.Я. Мерперта и Б.А. Шрамко о том, что традиция изготовления в VIII–IX вв. аланскими гончарами Донецко-Донского междуречья кухонных горшков с гребенчато-волнистым орнаментом – это наследие гончарных традиций населения сарматского времени Юго-Восточной Европы, подтверждена новыми, документированными центрально-кавказскими материалами (Афанасьев, 2013). Морфологическая и технико-технологическая общность в кухонной керамике населения Балкан, Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Поволжья отражает общее культурное наследие, общие эстетические требования к данному продукту и общий тренд в технологической эволюции гончарного производства в VIII–X вв. Вероятно, права была С.Н. Георгиева-Казанджиева, когда, дискутируя с М.И. Артамоновым, писала, что такие горшки не имеют этнической окраски, и ранние формы салтовской кухонной посуды следует всё же искать в тех областях, где ещё с античности прослеживаются этапы её развития, а не приписывать их происхождение праболгарам (Георгиева-Казанджиева, 1961. С. 96–102)¹.

¹ Публикуемая работа выполнена в рамках проекта 13-06-12010 РФФИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.* Подкумский могильник. М., 1987.
- Албегова (Царикаева) З.Х., Меньшиков М.Ю.* Городище Цми: некоторые предварительные результаты раскопок 2009 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.
- Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // Известия ГАИМК. Вып. 131. 1935.
- Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М., 1930.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы (социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона). М., 1993.
- Афанасьев Г.Е.* Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. № 3. 2013.
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С.* Первые шаги «космической археологии» в России // РА. № 2. 1999.
- Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Борисов А.В.* Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тысячелетия и фактор византийско-хазарского противостояния руссам // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования. М., 2012.
- Бабенко В.А.* Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове? // Труды XIII Археологического съезда. Т. 1. 1907.
- Багаев М.Х.* Культура горной Чечни и Дагестана. М., 2008.
- Бакушев М.А., Ларенок П.А.* Раннесредневековое поселение Журавка. // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009.
- Балабанова М.А.* Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая Балка 1 и 2) // МИАСК. Вып. 4. Армавир, 2004.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья. Киев, 1990.
- Батиева Е.Ф.* Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. № 3–4. 2002.
- Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю.* Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012.
- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- Биджиев Х.Х.* Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Богачёв А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.
- Богачёв А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А.* Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.
- Богачёв А.В., Матвеева Г.И.* Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.* Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XII вв. СПб., 1994.
- Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
- Газимзянов И.Р.* Новые данные по антропологии населения Самарского Поволжья в эпоху раннего средневековья // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Галаева В.Н.* К вопросу о технологии производства керамики на Втором Татарском городище // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М., 2008.
- Георгиева-Казанджиева С.Н.* К вопросу о материальной культуре славян и праболгар на Нижнем Дунае // СА. № 2. 1961.
- Голубев Л.Э., Попик Е.В.* Гончарные печи VIII–IX вв. поселения у хут. Красная Звезда (Новокубанский район Краснодарского края) // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005.
- Городцов М.В.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде // Труды XII Археологического съезда. Т. I. М. 1905.
- Джигунова Ф.К.* Западное Предкавказье в IV–IX вв. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С.* Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
- Живков Б.* Хазария през IX–X век. София, 2010.
- Зинько В.Н., Пономарёв Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-б на Керченском полуострове // Древности юга России. М., 2008.

- Зубов С.Э. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этно-культурной компоненте). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Иванов А.А. Крымский археологический комплекс: исследования 2006–2009 гг. // Хазары: миф и реальность. М.; Иерусалим, 2010.
- Каминский В.Н., Кондрашов А.В. Находки аланских курильниц на Средней Кубани // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
- Ключников В.В. Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
- Кондукторова Т.С. Антропологическая характеристика племён лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры // Тезисы докладов Советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980.
- Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.
- Красильников К.И. Кухонна керамика та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Средньодонеччя // Vita Antiqua. №2. Київ, 1999.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р. Поселение «Козьи Скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.
- Лопан О.В. Новые данные о керамике Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
- Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6. 1941.
- Магомедов М.Г. Керамика северо-восточного Дагестана хазарского времени // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
- Матвеева Г.И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Материалы II Халиковских чтений. Казань, 2003.
- Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. XXXVI. М.; Л., 1951.
- Миллер А.А. Краткий отчёт о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии Истории Материальной Культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т.1. Л., 1926.
- Могаричев Ю.М. Крым в VII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. № 4. 2010.
- Нечипорук А.А. Салтово-маяцкий комплекс на Северском Донце // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009.
- Петрухин В.Я., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Флёров В.С. «Хазарский проект»: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2009.
- Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. № 142. М., 1967.
- Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
- Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.
- Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. 1905.
- Пономарёв Л.Ю. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья (Материалы IV Боспорских чтений). Керчь, 2003.
- Пономарёв Л.Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Випуск 2. Харків, 2012.
- Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Решетова И.К. Древнеболгарский могильник у с. Желтое (палеоантропологическая характеристика) // Материалы международной научной конференции памяти С.Н. Братченко. Луганск, 2012.
- Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.). Часть III // Archivum Eurasiae. Medii Aevi. 12 (2002–2003).
- Рудь Н.М. Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Самара, 1987.
- Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М., 1986.
- Сарапулкин В.А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Липецк, 2003.
- Семенов-Зусер С.А. Розкопки біля с. Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки. УРСР. Київ, 1949.
- Соков П.В. Раннесредневековые памятники VIII–IX вв. Средней Кубани // Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2003.
- Соков П.В., Скопецкая И.В. О находках керамики с Гудермесского поселения хазарского времени (Чечня) // МИАСК. Вып. 5. Армавир, 2005.
- Сорочан С. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Україна в Центрально-Східній Європі. № 7. 2007.

- Тарабанов В.А.* Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография. Традиции и современность. Л., 1983.
- Токаренко С.Ф.* Новое к археологической карте Семикаракорского района // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009.
- Флёров В.С.* Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Хлебникова Т.М.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.
- Чеченов И.М.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987.
- Чеченов И.М.* О правомерности выделения в Центральнокавказском субрегионе тюрко-болгарского варианта салтово-маяцкой культуры // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.
- Шрамко Б.А.* Кераміка Салтівської культури // Труды історичного факультету Харківського державного університету. Том 7. 1959.
- Brook K.A.* The Jews of Khazaria. Northvale, New Jersey, Jerusalem, 1999.
- Krasil'nikov K.I.* Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur am Nördlichen Mittellauf des Donec // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Varia archaeologica Hungarica. III. Budapest, 1990.
- Piatigorsky J, Sapir J.* L'Empire khazar VIIe–XIe siècle. Paris, 2005.